

Высокова Вероника Витальевна

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
В БРИТАНСКОЙ ТРАДИЦИИ ИСТОРИОПИСАНИЯ
ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ**

**Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение
и методы исторического исследования**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Екатеринбург – 2015

Работа выполнена на кафедре новой и новейшей истории Института гуманитарных наук и искусств ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Официальные оппоненты:

Репина Лорина Петровна

д-р исторических наук,
член-корреспондент РАН,
заместитель директора по научной работе
ФГБУН «Институт всеобщей истории
Российской академии наук»

Кондратьев Сергей Витальевич

д-р исторических наук, профессор,
директор Института истории и
политических наук ФГБОУ ВПО
«Тюменский государственный
университет»

Ерохин Владимир Николаевич

д-р исторических наук, доцент,
профессор кафедры документоведения
и всеобщей истории ФГБОУ ВПО
«Нижевартовский государственный
университет»

Ведущая организация:

ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет»

Защита состоится «25» ноября 2015 г. в 10:30 на заседании Диссертационного совета Д 004.011.01 при ФГБУН «Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук» (620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16, каб. 1001).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБУН «Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук» (620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16, каб. 1101).

Электронный вариант диссертации и автореферата диссертации размещены на официальном сайте Института: <http://ihist.uran.ru/diss/info2014/>

Автореферат разослан «__» _____ 2015 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета,
д-р исторических наук

Е.Г. Неклюдов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы. Восемнадцатый век в истории Великобритании был отмечен процессом формирования британской нации. В дискуссии о британской национальной идентичности 1990-х гг. парадоксальным образом остался в стороне вопрос о месте и значении конструирования национального прошлого в британском историописании XVIII в.¹ В то же самое время исследования показывают, что основой из основ формирования национального сознания является конструирование консенсусной концепции «общего прошлого»². Прежде всего этим объясняется значимость и небывалая популярность «Истории Англии» Д. Юма. Именно ему удалось первым создать ясную, непротиворечивую, на тот момент доступную для широкой публики версию национального прошлого. Сочинение Юма определило на следующие сто лет место и значение истории как в национальном сознании британцев, так и в британской традиции историописания. Этот факт является общепризнанным как в отечественной, так и зарубежной историографии³.

Особый аспект актуальности темы диссертации определяется анализом эпохи Просвещения как «незавершенного проекта модерна» в соответствии с тезисом, выдвинутым на рубеже 1970-х – 1980-х гг. немецким философом Ю. Хабермасом⁴. В связи с подобной интерпретацией эпохи Просвещения ключевым вопросом современной историографии является следующий: что было «плохо» понято, а что и совсем пропущено в «проекте» эпохи Просвещения.

¹ *Smith A.D.* The Ethnic Origins of Nations. Oxford, 1986; *Colley L.* Britons: Forging the Nation 1707–1837. L., 1992; *Colley L.* Britishness and Otherness: an Argument // Journal of British Studies. № 31. 1992. P. 309–329; *Elton G.* The English (The Peoples of Europe). Cambridge, 1992; *Kidd C.* North Britishness and the nature of eighteenth-century British patriotisms // The Historical Journal. Vol. 39. Is. 2. June, 1996.

² *Андерсон Б.* Ангел истории / *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 173–180.

³ *Барз М.А.* Юм как методолог истории // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 70–82; *Нарский И.С.* Дэвид Юм. М., 1973.

⁴ *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. *М.М. Беляева* и др. М., 2003. С. 107; *Habermas J.* Der philosophische Diskurs der Moderne, Frankfurt am Main, 1985.

В центре внимания находятся его «нереализованные возможности». Следует подчеркнуть еще один аспект актуальности темы. Достижения эпохи Просвещения, которые, как казалось, хорошо изучены, также требуют более пристального внимания. В эпоху Просвещения историзм формировался как ключевое понятие исторической науки. Чаще всего о нем говорят и пишут как о чем-то самоочевидном. В то же время убедительное объяснение, чем же отличаются историописатели XVI–XVII вв. П. Вергилий и У. Кемден от историков XIX в. У. Стаббса и Дж. Э. Актона, до сих пор отсутствует. Это тем более важно на фоне постоянных заявлений о кризисе историзма во второй половине XX в.⁵ В данном контексте ключевое значение имеет труд Ф. Майнеке «Возникновение историзма», который понимал историзм как «применение к исторической жизни новых жизненных принципов...», как одну из величайших духовных революций (сопоставимых с Реформацией) в западноевропейском мышлении⁶. Майнеке сравнивает историзм с «новым органом чувств»⁷, обретенным историком в процессе этой научной революции. В диссертационном исследовании процесс становления историзма как базового принципа исторических исследований – способности «пространственно-временной ориентации в мире истории»⁸ – рассматривается на примере развития исторического знания в британской традиции историописания эпохи Просвещения – чрезвычайно богатой и дающей обильную почву для обсуждения этой темы.

Объект исследования – британская традиция историописания и ее характерные черты в период становления историзма в британской историографии эпохи Просвещения.

Предмет исследования – процесс конструирования концепции национального прошлого Британии в эпоху Просвещения в контексте формирования Великобритании как национального государства.

⁵ *Трельч Э.* Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории. М., 2007. С. 8; *Мильская Л.Т.* Эрнст Трельч и проблемы философии истории. М. 1994; *Понпер К.* Нищета историцизма // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 49–79; № 9. С. 22–48; № 10. С. 29–58.

⁶ *Meinecke F.* Die Entstehung des Historismus. München, 1959. S. 2.

⁷ *Майнеке Ф.* Возникновение историзма М., 2004. С. 6.

⁸ *Барг М.А.* Эпохи идеи. Становление историзма. М., 1987. С. 9.

Хронологические рамки исследования определяются развертыванием «проекта» Просвещения на Британских островах в период с 1660-х гг. до рубежа 1780-х – 1790-х гг. Начальная грань связана с эпохой Реставрации династии Стюартов и возрождением антикварной традиции в британском историописании, а конечная грань определяется кризисом историософии эпохи Просвещения в конце XVIII в.

Территориальные рамки исследования определяются локализацией центров разработки концепции национального прошлого Британии в эпоху Просвещения. Это, прежде всего, университеты Оксфорда, Кембриджа, Эдинбурга, а также такие центры исторического знания как Лондонское общество антикваров, Лондонское валлийское общество, общества любителей древностей в графствах и т.п.

Степень изученности темы. Историография проблемы находится на стыке трех историографических областей, исследующих британское Просвещение, британскую национальную традицию историописания и процесс формирования британской нации.

Историография европейского Просвещения в целом, и британского, в частности, успешно развивается в рамках классической и новой социальной истории. В центре ее внимания проблемы становления гражданского общества и правового государства, развитие институтов социальности и реформирование государственно-правового аппарата в эпоху Просвещения. В рамках данного направления исторических исследований наибольшую известность получили сочинения Р. Портера, П. Гея, Э. Пагдена и многих других⁹. Это историографическое направление представлено огромным количеством работ, что свидетельствует о плотном историографическом освоении данной темы. В качестве актуального обобщающего труда по теме выступает, созданный усилиями лучших европейских специалистов и переведенный на русский язык исто-

⁹ *Gay P.* The Enlightenment: The Rise of Modern Paganism. In 2 vols. N. Y., 1995; *Porter R.* The Enlightenment (Studies in European History). 2nd ed. L., 2001; *Porter R.* The Creation of the Modern World: The Untold Story of the British Enlightenment. L., 2000; *Pagden A.* The Enlightenment: and why it still matters. N. Y., 2013; *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry Into a Category of Bourgeois Society. Trans. by *Thomas Burger*. Cambridge, Mass., 1989.

рический словарь «Мир Просвещения»¹⁰. Отечественная историография гораздо скромнее. Данной теме посвятили свои исследования М.П. Айзенштат, Т.П. Любутина, С.Б. Семенов и др.¹¹

Вторая историографическая область определяется таким актуальным направлением исторических исследований как история исторической науки. К работам общего характера, относящихся к развитию западной историографии в новое время в целом, принадлежат работы А. Момильяно, Д. Келли, Дж. Ливена и советского историка М. Барга¹². Обращает на себя внимание попытка недавнего времени осмыслить данную проблематику в рамках издательского проекта ИВИ РАН «Всемирная история»¹³. В отечественной историографии до сих пор британская традиция историописания не стала предметом комплексного изучения, хотя значительный вклад в разработку данной проблематики внес М.А. Барг, а по отдельным проблемам некоторые современные исследователи, такие как Н.С. Креленко, А.А. Паламарчук, А.Б. Соколов¹⁴. В целом же самое об-

¹⁰ Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне и Д. Роша. Пер. Н.Ю. Плавинской под ред. С.Я. Карпа. М., 2003.

¹¹ Просвещение и его практики / Всемирная история. В 6 томах. Под общ. ред.: А.О. Чубарьяна. Т. 4. Мир в XVIII веке. М., 2013. С. 100–210; Айзенштат М. П. Власть и общество Британии 1750–1850 гг. М., 2009; Лабутина Т.Л. Культура и власть в эпоху Просвещения. М., 2005; Лабутина Т.Л., Ильин Д.В. Английское Просвещение. Общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб., 2012; Семенов С.Б. Парадокс Джона Уилкса // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 196–212.

¹² Барг М.А. Эпохи и идеи: Становление историзма. М., 1987; Барг М.А., Авдеева К.Д. От Макиавелли до Юма: Становление историзма. М., 1998; Momigliano A. D. Herodotean and the Thucydidean Tradition / Momigliano A. D. Classical Foundations of Modern Historiography. Chicago, 1990; Kelly D.R. Faces of History: Historical Inquiry from Herodotus to Herder. Yale University Press, 1998; Kelly D.R. (ed.) Versions of History: From Antiquity to the Enlightenment. Yale University Press, 1990; Levine J.M. The Autonomy of History: Truth and Method from Erasmus to Gibbon. Cornell University Press, 1999; Levine J.M. Humanism and history: origins of modern English historiography. Cornell University Press, 1987; O'Brien K. Narratives of Enlightenment: Cosmopolitan History from Voltaire to Gibbon. Cambridge, 1997; и др.

¹³ Тункина И.В. «Открытие» прошлого / Всемирная история... Т. 4. С. 233–256.

¹⁴ Барг М.А. Шекспир и история. М., 1979; Барг М.А. Историческая мысль английского Просвещения: Болингброк / Болингброк Г. Письма об изучении и пользе истории. М., 1978. С. 274–316; Креленко Н.С. Образ Английской революции в общественной памяти Великобритании XVII–

щее освоение темы представлено главами в учебниках по историографии средних веков и нового времени¹⁵. В западной исторической литературе изучение данной проблематики связано, в первую очередь, с представителями Кембриджской школы интеллектуальной истории, теоретические основания которой были заложены трудами Г. Баттерфилда и его знаменитым сочинением «Англичанин и его история»¹⁶. Дж. Покок и близкие к этому направлению Дж. Робертсон, Р. Свит и другие британские и американские историки немало сделали для освоения истории британского историописания эпохи Просвещения¹⁷. Особое внимание уделено разра-

XVIII веков. Саратов, 2012; *Паламарчук А.А., Федоров С.Е.* Историческая память и технологии антикварного дискурса: Англия раннего Нового времени / Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под редакцией Л.П. Репиной. М., 2008. С. 495–522; *Соколов А.Б.* Кларендон как историк / Диалог со временем. Вып. 45. М., 2013. С. 41–69; *Апрыщенко В.Ю.* От Просвещения к романтизму: шотландская антикварная традиция и поиски национального прошлого / Диалоги со временем... С. 554–589.

¹⁵ *Вайнштейн О.Л.* Английская историография XVI–начала XVII в. Гл. 9. / *Вайнштейн О.Л.* Западно-европейская средневековая историография. М.-Л., 1961. С. 420–457; *Ерофеев Н.А.* Историческая мысль и историческая наука в Англии. Ч. 1. Разд. II. Гл. 3 / Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. Под ред. А.В. Адо и др. М., 1977. С. 84–96; *Ерофеев Н.А.* Английское Просвещение и историческая мысль. Шотландская школа. Раздел 1. Гл. 4. / Историография истории нового времени стран Европы и Америки. Под ред. И.П. Деметтьева. М., 1990.

¹⁶ *Butterfield G.* The Englishman and His History. Cambridge, 1944; *Butterfield G.* The Whig Interpretation of History. L., 1931; *Butterfield G.* The Origins of Modern Science. 1300–1800. L., 1949; *Butterfield G.* History and Human Relations. L., 1951; *Butterfield G.* Man on His Past: The Study of the History of Historical Scholarship. L., 1955; *Butterfield G.* Moral Judgments in History. L., 1959.

¹⁷ *Douglas D.C.* English scholars, 1660–1730. Oxford, 1939; *Pocock J.G.A.* The Ancient Constitution and the Feudal Law: a study of English Historical Thought in the Seventeenth Century. A Reissue with a Retrospect. Cambridge, 1987; *Pocock J.G.A.* Barbarism and Religion, vols. 1–5. Cambridge, 1999, 2003, 2005, 2011; *Pocock J.G.A.* The Discovery of Islands: Essays in British History. Cambridge, 2005; *Sweet R.* Antiquaries: the Discovery of the Past in Eighteenth Century Britain. L., 2004; *Levine J.M.* The Battle of the Books: History and Literature in the Augustan Age. Cornell University Press, 1991; *Kidd C.* Subverting Scotland's Past: Scottish Whig Historians and the Creation of an Anglo-British Identity, 1689–c.1830. Cambridge, 1993; и др.

ботке темы «Юм как историк» в работах М. Барга, Н.Филлисона, Д. Уоттона и др.¹⁸

Третья область связана с историографией «britishness», касающейся формирования британской идентичности на протяжении XVIII – начала XIX в. в общем процессе складывания национального государства. В западной историографии эта проблематика представлена классическими работами Б. Андерсона, Э. Хобсбаума и др.¹⁹ Британский «материал» обсуждается в работах прежде всего британских историков, таких как Л. Колей, К. Кидд и др.²⁰ В отечественной историографии тема формирования британской нации практически не получила своего развития²¹. Однако тема взаимосвязи истории исторического письма и нациестроительства нашла

¹⁸ *Барг М. А.* Юм как методолог истории // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 70–82; David Hume: Philosophical Historian. Ed. by *D.F. Norton* and *R.H. Popkin*. Indianapolis, 1965; *Mossner E.C.* The Life of David Hume, 2d edn. Oxford, 1980; *Phillipson N.* Hume. L., 1989; *Wootton D.* David Hume, "the historian". David Fate Norton (Ed.) / The Cambridge Companion to Hume. Cambridge, 1993.

¹⁹ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001; *Валлерстайн И.* Конструирование народа: раса, нация, этническая группа // *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс: двусмысленные идентичности. М., 2004; *Геллнер Э.* Нации и национализм / пер. с англ. *Т.В. Бердиковой, М.К. Тюнькиной*; ред. и послесл. *И. И. Крупника*. М., 1991; *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998; *Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. М., 2002; *Тишков В.А., Шнирельман В.А.* Введение / Национализм в мировой истории. М., 2007.

²⁰ *Colley L.* Britons: Forging the Nation 1707–1837. L., 1992; *Kidd C.* British Identities before Nationalism: Ethnicity and Nationhood in the Atlantic World, 1600–1800. Cambridge, 2006; *Kidd C.* The Forging of Races: Race and Scripture in the Protestant Atlantic World, 1600–2000. Cambridge, 2006.

²¹ Англия в памфлете. Английская публицистическая проза начала XVIII века. М., 1987; *Кирчанов М.В.* Imagining England. Национализм, идентичность, память. Воронеж, 2008; *Апрыщенко В.Ю.* Дэвид Юм и британская юнионистская традиция эпохи Просвещения // Диалог со временем. 2011. № 37. С. 5–23; Имперская мифология и символика / Британская империя: становление, эволюция, распад. Екатеринбург, 2010. С. 127–141.

свое развитие в ряде работ отечественных и зарубежных исследователей²².

Целью диссертации является реконструкция процесса формирования концепции национального прошлого Британии и, прежде всего, выявление ее составных частей в контексте становления историзма в британской традиции историописания в эпоху Просвещения.

Задачи работы вытекают из научной актуальности изучаемой проблемы и поставленной цели:

– обнаружить трансформацию антикварной традиции историописания в Британии эпохи Просвещения;

– установить два различных концептуальных подхода к интерпретации национального прошлого, «неоримского» и критического, их эволюцию и соотношение в историографии эпохи Просвещения;

– раскрыть процесс секуляризации исторического письма в Британии эпохи Просвещения;

– определить вклад лексикографических изысканий в конструирование национального прошлого на примере англосаксонского периода;

– выяснить влияние политических дебатов XVII–XVIII вв. на сочинения британских историописателей эпохи Просвещения на примере дискуссии о «нормандском иге»;

– раскрыть тенденцию преодоления синкретизма в историописании эпохи Просвещения, процесс отделения истории от литературы на примере историописания о кельтском прошлом Британских островов;

– определить социальный и интеллектуальный контекст развития историописания в шотландском Просвещении;

²² *Смит Э.Д.* Национализм и историки / *Нации и национализм*. М., 2002; *Герман Р.Э.* История как средство создания нации: анализ этноконструктивистских теорий / *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практик*. Тамбов, 2012. № 7 (21). Ч. I. С. 43–50; *Парадигмы изучения прошлого и их актуализация / Историописание и историческая память // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории*. Вып. 13. Ставрополь, 2012. С. 3–89; *Исторические мифы и этнонациональная идентичность // Диалог со временем*. 2007. № 21; *Национальный характер, дух народа и образ Другого: способы познания и описания // Диалог со временем*. № 39. 2012.

– проанализировать концепцию истории Дэвида Юма и его сочинение «История Англии»;

– выявить составляющие элементы концепции национальной истории Британских островов на завершающем этапе эпохи Просвещения.

Методологическая база исследования. В основу диссертации положены общепризнанные критерии исторических научных практик, предполагающие изучение исторических явлений в их системности, взаимозависимости и диалектическом развитии²³. В отечественной историографии в последнее двадцатилетие очевиден интерес к вопросам теории истории, что соотносится с понимаемой в духе Т. Куна «историографической революцией», «эпистемологическим поворотом», «сменой парадигм»²⁴. Диссертационное исследование базируется на основных положениях когнитивной истории²⁵, которая предстает в качестве новой научной парадигмы и позволяет анализировать человеческое сознание в целом и в различных его проявлениях на основаниях «строгого знания» о прошлом²⁶. Своими корнями когнитивная история восходит к сочинениям А.С. Лаппо-Данилевского и Э. Гуссерля²⁷. Другим основополагающим в данной работе стало такое направление современных исторических исследований как интеллектуальная история. Хотя

²³ Барз М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984.

²⁴ Согрин В.В. Современная историографическая революция // Новая и новейшая история. 2009. № 3. С. 99–106; Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века: курс лекций. Вып. 3: Историографическая революция. Томск, 2008.

²⁵ Высокова В.В. Методология истории: когнитивные основания (к вопросу о теории научного познания) / «Круглый стол» по книге О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» // Российская история. М., 2010. № 1. С. 149–151.

²⁶ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008; Когнитивная история: концепция – методы – исследовательские практики: Чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевской. М., 2011; Лукьянов Д.В. «Когнитивная революция» в современном историческом познании // Будущее нашего прошлого. М., 2011. С. 179–193; «Круглый стол» по книге О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» // Российская история. М., 2010. № 1. С. 131–165.

²⁷ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М., 2006; Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994.

оно и не имеет целостной исследовательской концепции²⁸, однако является продуктивным в изучении истории идей и особенно истории исторической мысли. В западной историографии развитие этого направления поддерживается рядом периодических изданий и в первую очередь основанным А. Лавджоем в 1940 г. «Журналом истории идей»²⁹, в отечественной историографии сходную роль играет альманах «Диалог со временем»³⁰. Между когнитивной и интеллектуальной историей много общего, прежде всего в направленности на преодоление ограничений ранкеанской модели исторических исследований посредством изучения интеллектуально-ментального пространства прошлого³¹. Труды представителей Кембриджской школы интеллектуальной истории Кв. Скиннера, Дж. Покока, Дж. Дана расширяют исследовательское поле интеллектуальной истории посредством интерпретации текста в политическом контексте исторической эпохи, что получило название метода «текст-в-контексте»³².

²⁸ *Бабинцев В.А., Высокова В.В.* Вавилонская башня интеллектуальной истории. // *Imagines Mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* № 4. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 2. Екатеринбург, 2006. С. 5–10.

²⁹ *Ливайн Дж.* Интеллектуальная история как история // *Диалог со временем.* Вып. 14. 2005. С. 37–52; *Lovejoy A.* Reflections on the history of ideas // *Journal of the History of Ideas.* Vol. 1. № 1. Jan., 1940. P. 3–23; *Skinner Qu.* Meaning and Understanding in the History of Ideas // *History and Theory.* № 8 (1). 1969. P. 3–5; *Diggins J.P.* Arthur O. Lovejoy and the Challenge of Intellectual History // *Journal of the History of Ideas.* Vol. 67. № 1. Jan., 2006. P. 181–208; *Kelly D.R.* Horizons of intellectual history // *Journal of the History of Ideas.* Vol. 48, 1987. P. 143–169; *The History of Ideas: Canon and Variations* / Ed. by *D.R. Kelley.* Rochester: University of Rochester Press, 1990; и др.

³⁰ *Репина Л.П.* Что такое интеллектуальная история? // *Диалог со временем.* Вып. 1. 1999. С. 5–12; *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории* / Гл. редактор *Л.П. Репина.* М., Вып. 1–50. 1999–2015.

³¹ *Высокова В.В.* История когнитивная / история интеллектуальная: различия и точки соприкосновения // *JES.* 2013. Вып. 2 (18). URL: <http://history.jes.su/s207987840000484-1-1>.

³² *Skinner Qu.* Motives, Intentions and the Interpretation of Texts // *New Literary History.* 1972. Vol. 3. P. 393–408; *Idem.* Hermeneutics and the Role of History // *New Literary History.* 1975. Vol. 7. P. 209–232; *Pocock J.G.A.* The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton, 1975; *Laslett P.* The World We Have Lost: England Before the Industrial Age. L., 2000; *Dunn J.* The Political Thought of John Locke. L., 1969.

В диссертации используется актуализированный Кв. Скиннером концепт «неоримской» культуры эпохи Просвещения. Его суть сводится к выявлению одной из альтернативных версий понимания «свободы» политическими мыслителями раннего нового времени³³. Основополагающей в диссертации стала концепция А. Момильяно о происхождении современного исторического метода на основе противоборствующих со времен античности двух исторических нарративов, восходящих в Фукидиду и Геродоту. Нарратив, построенный на линейном повествовании с особым вниманием к политическому контексту событий, соотносился с фукидидовской традицией историописания. Подход Геродота в свою очередь базировался на универсализме, широте кругозора сообщаемых сведений, на внимании к географическим, этнографическим, культурным аспектам истории различных народов. В соответствии с концепцией Момильяно повествовательный нарратив и антикварные исследования интегрируются в единое целое в эпоху Просвещения в трудах Э. Гиббона³⁴.

Научная новизна определяется проведением комплексного анализа трех взаимосвязанных процессов эпохи Просвещения, которые ранее рассматривались изолировано друг от друга. Это формирование национальной идентичности британцев в ситуации национально-государственного строительства; конструирование образа национального прошлого в национальной традиции историописания Британии и формирования принципа историзма в процессе профессионализации исторического знания на Британских островах. Впервые в отечественной и зарубежной историографии определяются специфические черты британской традиции историописания, сформировавшиеся в эпоху Просвещения. Впервые в отечественной историографии дано обоснование хронологических рамок эпохи британского Просвещения с 1660–1688/1689 гг. по рубеж 1780/1790-х гг., а также предложена внутренняя ее периодизация. В диссертации показано, что складывание историзма в развитии исторического знания не имело строго поступательной перспективы. В частности, завершающий этап эпохи Просвещения как важной составляющей части процесса завершения формирования

³³ Skinner Qu. A Third Concept of Liberty / Proceedings of the British Academy. № 117. L., 2002. P. 237–268.

³⁴ Momigliano A.D. Classical Foundations of Modern Historiography. University of Chicago Press, 1990.

нации и национального самосознания британцев оказался сопряжен с резким усилением политизации исторического письма и одновременно расцветом мифотворчества о национальном прошлом. Ситуация кризиса историзма на завершающем этапе эпохи Просвещения также была связана с формированием гражданского общества в Британии и его коммерциализацией. Историописание в связи с этим оказалось подвержено запросам политической элиты и конъюнктуры читательского рынка.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Британская национальная традиция историописания эпохи Просвещения обладает такими ярко выраженными специфическими чертами как эмпиризм, антикварианизм и высокая политизированность.

2. Хронологические рамки эпохи Просвещения в Британии охватывают период чуть более ста лет; ее начало было связано с эпохой Реставрации Стюартов (1660–1688/1689 гг.), ее завершение определяется предреволюционным десятилетием в Европе, кризисом «неоримского» нарратива и возникновением предромантических настроений в британской историографии (рубеж 1780/1790-х гг.).

3. Историописание эпохи Просвещения на Британских островах в своем развитии прошло три этапа: 1. 1660-е – 1714-й гг. – «антикварный»; 2. 1714-й – 1750-е – «неоримский»; 3. 1760-е – рубеж 1780/1790-х гг. – период кризиса раннего историзма в британской национальной традиции историописания.

4. Развитие британской традиции историописания эпохи Просвещения характеризуется противоборством двух различных концептуальных подходов в интерпретации прошлого – «неоримского» и критического, с тенденцией к преобладанию «неоримского» на втором и третьем этапе развития историописания в эпоху Просвещения.

5. Британская историография эпохи Просвещения отмечена преобладающим влиянием представителей шотландского Просвещения в формировании концепции национального прошлого Британских островов в контексте формирования Великобритании как национального государства.

6. Составляющими элементами концепции национальной истории Британских островов на завершающем этапе эпохи Просвещения стали: величие древних кельтов наподобие древних греков и римлян; идея древней конституции Британии времен короля Альфреда; концепция нормандского ига; идея формирования в годы Реформации в Англии исключительной христианской англиканской церкви; революция XVII в. интерпретировалась как акт сопротивления гражданского общества тирании и восстановления «свобод и вольностей поданных Английского королевства».

7. Третий этап в развитии британского национального историописания в эпоху Просвещения характеризуется кризисом раннего историзма, резким усилением политической поляризации исторического письма, кризисом «неоримского» нарратива; кризисом синкретизма научного знания эпохи Просвещения; а также расцветом мифотворчества о национальном прошлом.

Практическая значимость работы. Основные положения и выводы диссертации могут быть применены в дальнейшем изучении истории Британии в эпоху Просвещения, а также истории исторического письма на Британских островах в целом. Полученные результаты позволяют осуществить пересмотр существующего взгляда на эволюцию историописания эпохи Просвещения в контексте формирования национальной идентичности на материале британской традиции историописания.

Научные результаты диссертации могут быть использованы в образовательном процессе, в рамках дисциплин «История Нового времени стран Запада», «История исторической науки», «Историография всеобщей истории», «История страны изучаемого языка». Материалы исследования могут быть использованы при подготовке специальных курсов по истории Британии нового времени, истории интеллектуалов эпохи Просвещения, истории исторического письма. Фактический материал, собранный в диссертации, может быть привлечен для подготовки учебных пособий и учебников по истории Великобритании, истории Нового времени, истории исторической науки.

Апробация материалов исследования. Основные результаты работы были представлены в докладах и сообщениях на международных и всероссийских конференциях, организованных: кафедрой вспомогательных исторических дисциплин Российского государственного гуманитарного университета под руководством

О.М. Медушевой (Москва, 1991, 1993, 1996, 2008, 2010, 2013); Российским обществом интеллектуальной истории под руководством Л.П. Репиной (Москва, 2007, 2013–2015, Челябинск, 2011), а также Уральским его отделением (Екатеринбург, 2007, 2009, 2012). В качестве выпускающего научного редактора Альманаха исследований всеобщей истории XVI–XX вв. «Imagines Mundi» были организованы дискуссии на заседаниях УрО РОИИ и публикация их результатов в двух сериях Альманаха: «Альбионика» (Вып. 1 [2001]; 2 [2003]; 6 [2008]; 8 [2013]) и «Интеллектуальная история» (Вып. 3 [2004]; 4 [2006]; 5 [2008]; 7 [2010]). В качестве члена президиума Ассоциации британских исследований под руководством А.Б. Давидсона автор участвовал в международных англоведческих конференциях (Москва, 2011, Ярославль 2012, Санкт-Петербург, 2013). Более полное представление о концепции национальной истории Британии оформилось в результате научного редактирования первого полного перевода на русский язык книги Нобелевского лауреата 1953 г. У. Черчилля «История англоязычных народов» в 4-х тт. (2012, 80 печ. л.). Основные результаты диссертационного исследования изложены в 58 научных публикациях, в том числе 17 статьях, изданных в ведущих рецензируемых журналах, определенных ВАК. Общий объем 40,9 условных печатных листов. Текст диссертации был обсужден и рекомендован к защите на заседании кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина 15 мая 2015 г.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, именного указателя.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Диссертация состоит из введения, четырех глав (12 разделов), заключения, списка использованных источников и литературы, именного указателя британских историописателей эпохи Просвещения.

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования и показывается степень ее изученности, определяются цели и задачи, объект и предмет исследования, его источниковая база и хронологические рамки. Формулируются

концептуальная основа и методологическая база исследования, раскрываются научная новизна и практическая значимость работы.

В первой главе «**Национальная история в британской традиции историописания эпохи Просвещения: источники и историография**» анализируется литература по теме и характеризуется источниковая база исследования.

В первом параграфе «**Исторические и историографические источники**» показано, что источниковая база исследования состоит из исторических и историографических источников. Первостепенное место в источниковой базе диссертационного исследования заняли историографические источники, а именно труды по истории Британии, появившиеся в эпоху Просвещения. Фокус внимания сосредоточен на связке «оригинальный источник – его публикация – историографическое его освоение в эпоху Просвещения». К неопубликованным относятся находящиеся в собраниях Британской, Бодлианской и других библиотек различные редакции Англосаксонской хроники, Великой Хартии вольностей и других классических исторических источников³⁵, выявлению и поиску которых в эпоху Просвещения уделялось особое внимание. К опубликованным историческим источникам относятся издания исторических источников, подготовленные антикварами в XVII–XVIII вв., и историографические сочинения эпохи Просвещения по истории Британии.

Комплекс опубликованных исторических источников по истории Британии имеет ярко выраженную видовую принадлежность. Законодательные акты представлены в диссертационном исследовании публикациями англосаксонских и валлийских судебных актов, сочинениями авторитетов англосаксонского права³⁶. Летописи, хроники, опубликованные в эпоху Просвеще-

³⁵ *Winchester (or Parker) Chronicle*. Parker Library, Corpus Christi College. Cambridge. Manuscript 173. Version «A». The Anglo-Saxon Chronicle; *Abingdon Chronicle I*. British Library. Cotton Tiberius A. VI. Version «B», The Anglo-Saxon Chronicle; и др.

³⁶ *Leges Anglo-Saxonicae Ecclesiasticae et Civiles; accedunt Leges Edvardi Latinae, Gulielmi Conquestoris Gallo-Normannicae, et Henrici I Latinae*. Subjungitur Domini Henrici Spelmani Codex Veterum Statutorum Regni Angliae

ния, представлены публикациями Англосаксонской хроники, сочинения Беды Достопочтенного «Церковная история народа англов» и других средневековых памятников³⁷. Работа, проведенная антикварами по изданию житий, сочинений отцов церкви, получила выражение в публикациях текстов Ассера, проповедей Эльфрика, житий святого Уилфрида и других источников по истории церкви на Британских островах, включая библейские тексты на древнеанглийском языке³⁸. Самостоятельную группу источников составляют, начатые в эпоху Просвещения записи и публикации ирландских и валлийский *саг*³⁹. Сюда же можно отнести в качестве вспомогательных материалов, составлявшиеся антикварами в процессе подготовки источников к публикации, словари, тезаурусы и глоссарии⁴⁰.

Самостоятельную позицию в источниковой базе исследования занимают историографические источники или труды по истории Британии. Как показало наше исследование, предпочтения британских историописателей конца XVII–XVIII в. опре-

quae ab ingressu Gulielmi I usque ad annum nonum Henrici III edita sunt. Toti operi praemittitur Dissertatio Epistolaris G. Nicoleoni de Jure Feudali Veterum Saxonum, Londini: Typis Guil. Bowyer, impensis Rob. Gosling, 1721; и др.

³⁷ Chronicon Saxonicum; Seu Annales Rerum in Anglia Praecipue Gestarum, a Christo Nato ad Annum Usque MCLIV. Deducti, ac Jam Demum Latinitate Donati. Cum Indice Rerum Chronologico; Accedunt Regulae ad Investigandas Nominum Locorum Origines; Et Nominum Locorum ac Vivorum in Chronico Memoratorum Explicatio. Oxonii: E Theatro Sheldoniano. 1692; Bede, Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum. Ed. J. Smith. Cantabrigiae: Typis Academicis, 1722; и др.

³⁸ Heptateuchus, liber Job, et Evangelium Nicodemi; Anglo-Saxonice: Historiæ Judith fragmentum; Dano-Saxonice. Oxoniæ: E Theatro Sheldoniano, 1698; Eddius. The Life of Bishop Wilfrid. Rerum anglicarum scriptores veteres / Historiæ anglicanae scriptores. Gale et Fell. vols. I. 1684. P. 49–93; An English-Saxon Homily on the Birthday of St. Gregory, Anciently used in the English-Saxon Church. Giving an Account of the Conversion of the English from Paganism to Christianity. L., 1709; и др.

³⁹ Macpherson J. Fingal, an Ancient Epic Poem in Six Books, together with Several Other Poems composed by Ossian, the Son of Fingal, translated from the Gaelic Language. Glasgow, 1799; The Mabinogion, from the Welsh of the Llyfr coch o Hergest, tr., with notes, by lady C. Guest. L., 1877; и др.

⁴⁰ Hickeys G., Wanley H. Linguarum Veterum Septentrionalium Thesaurus Grammatico-Criticus et Archaeologicus, 2 vols. Oxford, 1703–1705; Thwaites Ed. Grammatica Anglo-Saxonica ex Hiccesiano Linguarum Septentrionalium Thesaurō Excerpta. Oxford, 1711; и др.

делялись принадлежностью к одной из историографических традиций, восходивших к древнегреческим историкам – Фукидиду и Геродоту. В британском историописании эпохи Просвещения первая традиция транслировалась через римского историка Тацита и нашла свое воплощение в так названном «неоримском» дискурсе, ярко представленном сочинениями Д. Юма, К. Маколей⁴¹. Данная традиция получила социологическое развитие в трудах шотландских историописателей А. Фергюсона, Дж. Миллара и др.⁴². Вторая традиция, восходящая к Геродоту и эрудитам эпохи Возрождения, была представлена в британском историописании конца XVII–XVIII в. трудами антикваров Англии, Шотландии, Уэльса и Ирландии, таких как Г. Спелмен, Г. Барнет, У. Стьюкли и др.⁴³

Философские трактаты Дж. Локка, Д. Юма и другие сочинения британских мыслителей эпохи Просвещения позволили провести анализ интеллектуального климата эпохи и выявить основные дискуссионные вопросы того времени⁴⁴. Публицистические сочинения Дж. Свифта, его патрона У. Темпла, Э. Берка и других писателей позволили раскрыть процесс противоборства «неоримской» и критической традиций в британском национальном историописании в эпоху Просвещения⁴⁵. Существенную роль в прове-

⁴¹ Юм Д. История Англии (Извлечения). В 2-х т. М., 1996; Юм Д. Англия под властью дома Стюартов. В 2-х т. СПб., 2001, 2002; Hume D. The History of England. 6 vols. L., 1778; Macaulay C. The History of England from the Accession of James I to that of the Brunswick Line, 8 vols. L., 1763–1783.

⁴² Ferguson A. Essay on the History of Civil Society. Edinburgh, 1767; Millar J. An Historical View of the English Government from the Settlement of the Saxons in Britain to the Revolution in 1688. In 4th vols. Edinburgh, 1803; Campbell J. A Full and Particular Description of the Highlands of Scotland, its Situation and Produce, the Manners and Customs of the Natives. L., 1752.

⁴³ Burnet G. The History of the Reformation of the Church of England. L., 1714; Stukeley W. Stonehenge, A Temple Restor'd to the British Druids. L., 1740; Stukeley W. Stonehenge, a temple restored to the British Druids. L., 1740.

⁴⁴ Locke J. Some Thoughts Concerning Reasoning and Study / Locke J. Works. In 10 vol. L., 1824. V. 10. P. 449; Hume D. Of the Study of History / Hume D. Essays Moral, Political, and Literary. Ed. E.F. Miller. Indianapolis, 1987. P. 563–569; и др.

⁴⁵ Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. М., 1993; Sir William Temple's essays on ancient and modern learning, and on poetry. Edited by J.E. Spingarn. 1909; Swift J. A Full and true account of the battle fought last Friday

дении анализа сыграла переписка ведущих деятелей английского и шотландского Просвещения⁴⁶, а также их воспоминания⁴⁷.

Во втором параграфе «Освещение проблемы исследования в отечественной историографии» показано, что тема исследования имеет существенный задел в отечественной историографии. В дореволюционной историографии европейское и британское Просвещение рассматривалось как третье великое духовное (философское, научное и литературное) движение в новой истории Западной Европы (наряду с гуманизмом и Реформацией) и было связано с формированием «естественной религии», расшатавшей устои исторической церкви и «естественного права», поколебавшего исторические формы государства и общества⁴⁸.

В советской историографии эпоха Просвещения интерпретировалась как эпоха перехода от феодализма к капитализму, как широкое идейное движение в разных странах, связанное с борьбой буржуазии против феодализма. Если дореволюционные историки обсуждали вопросы континуитета гуманизма-Реформации-Просвещения, то марксистские историки настаивали на разрыве буржуазной и феодальной общественно-экономических формаций. В основу такой интерпретации были положены идеи К. Маркса о Просвещении как идеологии восходящего класса буржуазии. Английское Просвещение не укладывалось в данную интерпретативную мо-

between the ancient and the modern books in Saint James's library. The Works of Jonathan Swift, D.D., Dean of St. Patrick's, Dublin: Including the Whole of His Posthumous Pieces, Letters, V. 1. L., 1784. P. 391–433; и др.

⁴⁶ Correspondence of Richard Bently. In 2th vols. L., 1842; The Letters of David Hume, ed. J. Y. T. Greig, 2 vols. Oxford: Clarendon Press. 1932; New Letters of David Hume, ed. R. Klibansky and E. C. Mossner. Oxford, 1954; и др.

⁴⁷ Stukeley W. Memoirs of Sir Isaac Newton's Life. L., 1952; Hume D. My Own Life / Hume D. The History of England, from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution of 1688. L., 1792. P. V–XV; и др.

⁴⁸ Ковалевский М.М. Происхождение современной демократии. Т. 2–3. М., 1897; Чичерин Б.Н. История политических учений. Ч. 2–3. М., 1872; 1874; Кареев Н.И. Новые культурные и общественные идеи / Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. Т. 3. СПб., 1904. С. 136–272.

дель, т.к. согласно марксистскому подходу английская буржуазия уже победила в революции XVII в.⁴⁹

Последние три десятилетия в отечественной историографии наметилось стремление сосредоточиться на особенностях национальных вариантов Просвещения. В целом Просвещение рассматривается как период в истории Европы, хронологически заключенный между революциями в Англии и Франции, озаменованный становлением, расцветом и кризисом комплекса идей, общественных настроений, форм исторического поведения и культурных предпочтений⁵⁰.

Последним словом в изучении эпохи Просвещения в отечественной историографии может считаться четвертый том коллективной монографии «Всемирная история» «Мир в XVIII в.» в рамках издательского проекта ИВИ РАН. В нем показано, что сегодня Просвещение уже не может рассматриваться как «однородный идейный блок, как некий доктринальный канон, содержание которого поначалу тесно связывалось с трудами великих мыслителей – от Локка до Юма, от Монтескье до Руссо, от Лейбница до Канта», а затем его распространения на так называемую «периферию» Просвещения. Данный подход отражает глубокое влияние концепций современной французской историографии по изучению эпохи Просвещения⁵¹. Работы крупных отечественных специалистов по британскому Просвещению, да и сама современная британская историография по этому вопросу обойдены вниманием в данной коллективной монографии⁵². Это указывает на то, что британское Просвещение остается недостаточно изученным в отечественной историографии и слабо адапти-

⁴⁹ *Фишман О.Л., Левинтон А.Г.* Просвещение / Советская историческая энциклопедия. Том 11. М., 1968. С. 622–631.

⁵⁰ *Кисунько В.Г., Ревякин А.В.* Европейское Просвещение / История Европы. Т. 4. Европа нового времени (XVII–XVIII века). Под ред. *М.А. Барга* и др. М., 1994. С. 298–327.

⁵¹ *Карп С.Я.* Что такое Просвещение? / Всемирная история... Т. 4. С. 100–104.

⁵² *Айзенштат М.П.* Власть и общество Британии 1750–1850 гг. М., 2009; *Лабутина Т.Л.* Культура и власть в эпоху Просвещения. М., 2005; *Лабутина Т.Л., Ильин Д.В.* Английское Просвещение. Общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб., 2012.

руется к господствующей по сей день профранцузкой интерпретации эпохи европейского Просвещения.

История историописания Британии в эпоху Просвещения представлена в основном в исторических справках и вводных статьях к осуществленным в последние двадцать лет публикациям исторических источников по британской, преимущественно средневековой, истории. Это работы В.В. Эрлихмана, В.В. Зверевой, З.Ю. Метлицкой и др. Существенным продвижением темы вперед стали труды иммагологического характера. Это сочинение Е.А. Каниболоцкой, посвященной образу короля Альфреда Великого в английском общественно-историческом сознании периода средних веков и нового времени, а также работа Н.С. Креленко, сосредоточенная на рассмотрении эволюции образа Английской революции в представлениях британского общества с XVII по XX в. включительно. Отечественная историография британской традиции историописания эпохи Просвещения фактически сводится к двум именам Г. Болингброка и Д. Юма⁵³.

Тема «britishness» применительно к эпохе Просвещения в отечественных исследованиях нашла свое раскрытие скорее в литературоведческих работах, таких как «Англия в памфлете» и др.⁵⁴ Проблема формирования британской идентичности в XVIII – начале XIX в. еще ждет своего исследователя.

⁵³ Эрлихман В.В. Отец английской истории / Беда Достопочтенный. Церковная история народа англоv. СПб., 2001. С. С. 322–337; Зверева В.В. Новое солнце на Западе: Беда Достопочтенный и его время. СПб., 2008; Каниболоцкая Е.А. Образ короля Альфреда Великого в английском общественно-историческом сознании периода средних веков и нового времени. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. 2011; Креленко Н.С. Образ Английской революции в общественной памяти Великобритании XVII–XX веков. Саратов, 2012.

⁵⁴ Англия в памфлете. Английская публицистическая проза начала XVIII века. М., 1987; Имперская мифология и символика / Британская империя: становление, эволюция, распад... С. 127–141; Федоров С.Е. Британский вариант контекстуализации национальной истории (когнитивный и коммуникативный аспекты) // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. Материалы научной конференции / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2006. С. 186–187.

В третьем параграфе «Зарубежная историография по исследуемой проблематике» показано, что существующая историография с большим трудом поддается обзору. В исследовательской литературе последних пятидесяти лет классическое представление о Просвещении как целостном интеллектуальном движении трактуется как упрощенное и не продуктивное. Отцами-основателями альтернативного взгляда на интеллектуальное наследие эпохи Просвещения стали представители Франкфуртской школы М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе. Они сформировали критическое отношение к эпохе Просвещения, усматривая в ней ложного пророка современности. Вслед за ними Ю. Хабермас развил идею о дурно понятых, вульгарно интерпретированных идеях эпохи Просвещения. Данная оценка пересеклась с другими тенденциями в западной исторической науке, которые подрывают сложившееся в 1970-е гг. представление о европейском Просвещении как целостном интеллектуальном «проекте»⁵⁵.

Историография антикварной традиции связана преимущественно с изучением вещественных памятников и становлением археологии, и представлена фундаментальными работами А. Шнаппа, Дж. Ст. Пиготта и др. Особую ценность в изучении интеллектуального наследия антикваров имеют сочинения Эл. Адамс, Д. Дугласа и Дж. Покока. Фундаментальное сочинение Р. Свит «Антиквары: открытие прошлого в британском восемнадцатом веке» построено на основе институциональной организации Лондонского общества антикваров. В целом надо отметить ряд коллективных монографий, вышедший к 300-летию юбилею Лондонского общества антикваров в 2007 г.⁵⁶

⁵⁵ Хабермас Ю. *Философский дискурс о модерне* / Пер. с нем. М.М. Беляева и др. М., 2003; Хоркхаймер М., Адорно Т.В. *Понятие просвещения* / Хоркхаймер М., Адорно Т.В. *Диалектика просвещения. Философские фрагменты*. М., СПб., 1997. С. 16–60.

⁵⁶ Adams E.N. *Old English Scholarship in England from 1566–1800*. New Haven: Yale University Press, 1917; Douglas D.C. *English scholars, 1660–1730*. Oxford, 1939; Pocock J.G.A. *The Ancient Constitution and the Feudal Law: a study of English Historical Thought in the Seventeenth Century*. A Reissue with

Историография «неоримского» дискурса в Британии XVIII в. связана, с одной стороны, с политическим контекстом интеллектуального климата эпохи Просвещения, что ярко представлено в работах Кв. Скиннера. «Неоримский» дискурс и его конфликт с «почвеннической» антикварной традицией в Британии фундаментально исследовал американский историк Дж. Ливен. На сегодняшний день его сочинение «Битва книг: история и литература в Августинскую эпоху» является лучшим по проблематике спора «древних» и «новых» в Британии на рубеже XVII–XVIII вв.: В ряде фундаментальных сочинений, сходных по масштабу мысли и обобщений с сочинениями А. Момильяно, Ливен сосредоточил внимание на исследовании формирования принципа историзма в европейской традиции историописания нового времени. Его, как и Момильяно, можно на сегодняшний день рассматривать в качестве классика по теме истории исторического письма эпохи раннего нового времени. К этому кругу примыкают британский историк Х. Тревор-Ропер и американский историк Д. Келли⁵⁷.

Тема «britishness» или формирования британского национального сознания на протяжении XVII–XVIII вв. стала предметом внимания британской историографии в связи с общенациональной дискуссией рубежа XX–XXI вв. по вопросу «кто мы, британцы?». Самой популярной и наиболее цитируемой в этой дискуссии стала работа Л. Коллей «Британцы: формирование нации, 1707–1832». Последняя книга Дж. Покока «Открытие Островов» развивает идею «новой британской истории», суть которой заключается в преодолении англоцентризма в национальной истории Британии. Также выделяются работы историка К. Кидда, который охарактеризовал шотландское историописание эпохи Просвещения как «ниспровержение шотландского прошлого», отречения от

a Retrospect. Cambridge, 1987; *Sweet R.* Antiquaries: The Discovery of the Past in Eighteenth-Century Britain. N. Y., 2004.

⁵⁷ *Skinner Qu.* Visions of Politics: Volume III: Hobbes and Civil Science. Cambridge, 2002; *Levine M.J.* The Battle of the Books: History and Literature in the Augustan Age. Cornell University Press. 1994; *Levine J.M.* Humanism and history: origins of modern English historiography. Cornell University Press. 1987;

него шотландскими интеллектуалами во имя Унии 1707 г. Он настаивал на том, что именно шотландцы в период 1689–1830 гг. были инициаторами искусственно созданной британской нации. Формирование «новой британской истории» делает тему национальной памяти, ее конструктов и «конструкторов» как никогда актуальной⁵⁸.

Во второй главе «Антикварная традиция в эпоху Просвещения» рассматриваются противоборство антикварной и «неоримской» традиций за пальму первенства на историческом Олимпе британского историописания в XVIII в.

В первом параграфе «Спор «древних» и «новых» на рубеже XVII–XVIII вв.: «неоримский» и критический подходы в интерпретации прошлого» исследуется дискуссия историописателей рубежа XVII–XVIII вв., получившая впоследствии название «битвы книг». Ее начало было положено эссе У. Темпла «О знаниях древних и новых» 1690 г., восхвалявшего великие образцы античности. С ним в спор вступили «новые» У. Уоттон и Р. Бентли. Позиции «древних» были усилены активностью молодого поэта А. Поупа, который перевел «Илиаду» Гомера на английский язык. Успех «древних» у публики был несомненен. Наступил «век императора Августа» и его великих поэтов Вергилия, Горация и Овидия – век расцвета английской литературы XVIII в. «Неоримский» исторический нарратив возобладал. «Новым» предстояла долгая и кропотливая работа. История медленно, но верно формировала свой собственный «модус вивенди». «Точкой роста» здесь стало наследие У. Кемдена, основателя кафедры истории в Оксфорде в 1622 г. На волне спора «древних» и «новых» возникает проект переиздания его главного сочинения «Британия». Проект возглавил Эд. Гибсон, который приобрел известность подготовкой публикации «Англо-саксонской хроники» 1692 г., который развернул обширную деятельность по составлению комментариев к «Британии» Кемдена.

⁵⁸ Colley L. Britons: Forging the Nation 1707–1837. L., 1992; Kidd C. British Identities before Nationalism: Ethnicity and Nationhood in the Atlantic World, 1600–1800. Cambridge, 2006.

Во втором параграфе «"Светская" и "духовная" история в Британии в эпоху Просвещения: рационализация религии и секуляризация исторического письма» рассматривается конфессиональная специфика британского исторического письма. В раннее новое время историописатели, как хорошо известно, в массе своей выходили из церковной среды. Процесс секуляризации сознания британского общества со всей очевидностью проявился в эпоху правления последних Стюартов. Об этом свидетельствовали активные нападки на доктринальные основания Библии в среде самого англиканского духовенства, а также со стороны так называемых «free thinkers», свободных мыслителей или «вольнодумцев». Вольнодумство достигло своего пика в 1730 г. в работе английского философа М. Тиндела. Его работа имела название «Христианство так же старо, как сотворение мира, или Евангелие – восстановление естественной религии» и получила среди современников статус «библии деизма». Наиболее убедительный ответ вольнодумцам дал доктор богословия К. Миддлтон в сочинении 1749 г. «Свободное исследование чудодейственных сил, которыми, как предполагается, наделена христианская церковь», которое заложило основания для формирования утилитарной концепции религии – ее понимания как основного столпа организации общества и государства.

Показательным для нового секулярного сознания стало появление трехтомного сочинения Г. Барнета «История Реформации церкви в Англии». Эта была первая попытка представить критическое суждение об Английской Реформации на основе источников той эпохи. Позиция Барнета была откровенно протестантская; но он имел достаточно широты ума и уверенности в данном вопросе, чтобы быть выше вульгарных уловок умолчания и искажений. Он исследовал свой предмет в философском духе. Реформация была в его сознании работой Проведения, действующего через поступки несовершенных людей. Барнет совершенно отбрасывает нарратив «цитат» и концентрируется на объяснении происхождения идей в круговороте событий. Он стремится увидеть контраст между ситуацией, которая формировала идею Ре-

формации и результатом преобразований – реформированной церковью. И не удивительно, что книга стала популярной, несмотря на множественные ошибки – ее автор демонстрировал новый исследовательский подход, широту ума и честность.

В напряженной атмосфере приближающейся смены правящей династии богословы обсуждали вопрос взаимоотношений церкви и государства. Вскоре последовал так называемый Бангорианский спор 1714–1717 гг., кульминацией и разрешением которого стала проповедь Хэдли 1717 г. «Сущность царства Христова», произнесенная перед самим королем Великобритании. В этой известной и не раз потом издававшейся проповеди Хэдли, опираясь на фразу из текста Евангелия от Иоанна (18:36): «Царство Мое не от мира сего», выводил тезис об отсутствии какого-либо библейского обоснования наделения церкви властью. После бангорианской «контроверзы» теологические споры остались в лоне «матери-церкви», а вопросы веры окончательно переместились в сферу частной жизни английского общества.

В третьем параграфе «Антикварное общество и эмпиризм в британской традиции историописания XVIII века» антикварианизм рассматривается как уникальное, британское по своей природе явление. Антиквары были собирателями артефактов старины – древних рукописей, археологических находок, надписей, редких камней и прочих диковин. Антикварианизм XVIII в. заложил основы формирования многих исторических дисциплин – нумизматики, сфрагистики, истории искусств и др. В контексте научной революции рубежа XVII–XVIII вв. и спора «древних» и «новых» антиквары твердо заняли сторону «новых». Именно их исследования показывали, что эмпирические данные играют первостепенную роль в уточнении исторических и других научных данных. Сама дискуссия «древних» и «новых» заставила британских антикваров в 1707 г. воссоздать общество, запрещенное Яковом I в 1604 г. Первоначальный проект деятельности общества предполагал подготовку и издание 35 редких книг. Не получив поддержки короны, антиквары с 1707 г. все же

начали проводить регулярные встречи с обсуждением докладов и составлением протоколов заседаний.

Первым секретарем Антикварного общества был избран У. Стьюкли, посвятивший изучению мегалитических сооружений Стоунхендж и Уэйвбери основную часть своей жизни. В 1717 г. в составе Лондонского общества антикваров было всего 23 члена, на рубеже 1770/1780-х гг. – 400 британских и 45 иностранных членов. О публикаторской активности Лондонского общества антикваров говорят следующие цифры. В первое десятилетие 1717–1727 – вышло 27 томов материалов. Первые 70 томов и составили серию «*Vetusta monumenta*». Классификация исторических источников у английских антикваров носит сугубо прагматический и эмпирический характер. Выделение первого класса, «древностей» или «остатков», определялось принадлежностью материальных объектов (фибулы, щиты, шлемы, горны и т.п.) к тем или иным периодам истории Британии. Второй класс показывает становление нумизматики, фалеристики, сфрагистики. Третий и четвертый класс касался архитектурных ценностей, пятый – изобразительных, шестой – инкунабул, седьмой – картографических источников. Деятельность антикваров стала ключевым «ферментом» в формировании «британских идентичностей до национализма» (шотландцев, валлийцев, ирландцев и т. п.). Изучение древних обычаев и языков Британии, истории англо-саксонских «конституций» обеспечивалось эмпирической базой, на которой эти идентичности конструировались.

Третья глава «Формирование “интеллектуальной карты” прошлого Британии в эпоху Просвещения» посвящена изучению в XVII–XVIII вв. трех периодов британской истории – кельтскому, англосаксонскому, англонормандскому.

В первом параграфе «**Лексикография в британской традиции историописания: англосаксонский период**» дан анализ трудов ученых-антикваров по восстановлению уже забытого в раннее новое время древнеанглийского языка. Расшифровать его, прочитать «Англосаксонские хроники» и другие «программные» манускрипты эпохи раннего средне-

вековья стало актуальной задачей ученых-лексикографов. Национальное историописание эпохи Просвещения развивалось под знаком сильной лексикографической традиции. Решающая заслуга в создании первого словаря древнеанглийского языка принадлежала коллекционеру древностей Г. Спелмену, который учредил в Кембридже в 1640 г. ежегодную стипендию для преподавания древнеанглийского языка, дабы содействовать изучению «домашних древностей, касающихся нашей церкви и возрождения языка». В 1659 г. У. Сомнером был создан словарь «*Dictionarium Saxonico-Latino-Anglicum*», который быстро получил распространение и стал широко использоваться в преподавании этого языка в университетах.

Основные достижения британских «саксонистов» на рубеже веков были связаны с Оксфордом. В 1690-е гг. здесь сложилась группа блестящих молодых ученых, главой и движущей силой которых был Эд. Туэйтс. Критическое изучение «Древнеанглийских законов» и «Англосаксонской хроники» было положено трудами двух блестящих молодых ученых Д. Уилкинса и Эд. Гибсона. Вершиной англосаксонских исследований рубежа веков стало творчество Дж. Хикса, который в 1689 г. опубликовал первую «Англосаксонскую Грамматику». «Словарь» Сомнера и «Грамматика» Хикса стали настоящим прорывом в древнеанглийских исследованиях. На их основе Хикс сумел создать «Тезаурус северных языков», второй том был опубликован в 1705 г. и носил название «Критический и исторический каталог англосаксонских рукописей».

Второй параграф «Политика versus история: англонормандская Британия в интерпретациях британских историописателей эпохи Просвещения» посвящен рассмотрению дискуссии о «нормандском иге» XVII–XVIII вв. Юристы XVII в., примыкавшие к антикварному дискурсу, довольно рано осознали, что национальные формы права в Британии кардинально отличаются от Кодекса Юстиниана по своему характеру и основным идеям. В ситуации борьбы короля и парламента царствования династии Стюартов самый влиятельный юрист начала XVII в. Эд. Кок выстроил убедительную систему доказательств в пользу удревнения англий-

ской конституции, став таким образом «авторитетом» англосаксонского права. В это же время складывалась другая, альтернативная точка зрения по этому вопросу. Суть ее заключалась в том, что свободы Западной Европы, в том числе английское право и парламент были по происхождению «готскими», то есть древнегерманскими. Англосаксонское право для Кока и его последователей носило исключительно островной характер, и смешивать миф о древности английского закона с готской свободой означало для них смешать себя с примитивными варварами германского леса Тацита. Вторая «линия» была связана со стремлением исторически осмыслить вопрос нормандского влияния через понятие «феодализм», пришедшее с континента, как с точки зрения исторических событий XI в., так и с точки зрения развития историографии XVI–XVII вв.

Открытие места Англии в правовой истории Европы принадлежало не юристам, а сплоченной группе антикваров эпохи правления Якова I Стюарта – Кемдену, Коттону, Ашеру, Селдену, Спелмену. Решающую роль в формировании антикокианской оценки нормандского вторжения и влияния сыграл сэр Г. Спелмен. Концепцию Спелмена развил Р. Бреди. В 1684 г. вышла его работа «Введение в древнюю английскую историю», в которой он на основе анализа рукописи «Книги страшного суда» доказал, что уже Вильгельм Завоеватель раздал все земли в условное держание. Бреди сделал вывод, что в XIV–XV вв. произошло снижение статуса военной службы в качестве определяющего права и обязанности землевладельцев. Завершается этот процесс законодательным оформлением замены «службы» уплатой 40-шиллингового ежегодного налога в королевскую казну в правление Генриха VI. Очевидно, что концепция Спелмена-Бреди стала грозным оружием в споре о суверенитете в преддверии Славной революции. Она позволила подвергнуть аргументированной критике понятие «древней конституции», базирующейся на «древнем законе» и «древнем парламенте» на том простом основании, что институты феодальных отношений фактически уже исчезли из английской жизни. Однако парадокс историографической ситуации заключался в том, что эти идеи

Спелмена-Бреди оказались маргинальными и оставались таковыми вплоть до второй половины XIX в.

В третьем параграфе «Литература versus история: кельтское прошлое Британских островов в представлениях историописателей XVIII века» сосредоточена на исследовании происхождения т.н. «кельтского возрождения». Работа У. Стьюкли о друидах сделала Стоунхендж, Уэйвбери и другие мегалитические сооружения Британских островов местом паломничества публики и заложила основания так называемого «кельтского возрождения» во второй половине XVIII в. Концепция Стьюкли способствовала формированию широкого общественного интереса к древней поэзии, языческой литературе и музыке. Друиды начали восприниматься как олицетворение чистоты и доблести древних кельтов. В духе Ж.-Ж. Руссо мир литературы погружал читателя в «золотой век» первобытного человечества, который противопоставлялся современному коммерциализированному и утилитарному обществу. Воспевание чести и достоинства, храбрости древних жителей Британских островов в поэтической литературе последней трети XVIII в. опиралось на идею возрождения языческого кельтского эпоса. Антиквары также в значительной степени были вовлечены в этот процесс. Большим достижением стала работа Эд. Ллуйда, хранителя Ашмолианского музея, «Британская археология: рассмотрение языков, историй и обычаев Великобритании», посвященная изучению кельтских языков, работа У. Уоттона по изданию «Законов Уэльса», Г. Роуллендса о природных и исторических древностях о. Англси. В трудах антикваров сложилась идея «великой кельтской цивилизации». Выдающийся шотландский поэт Дж. Макферсон в 1762 г. «открыл» широкой читающей публике поэму «Фингал». Публикуемый текст он представил в качестве аутентичных «остатков» поэм той древней кельтской дохристианской цивилизации. Кельты, в интерпретации Макферсона, были облагорожены религией, которая органично предшествовала христианству. Фианы-воины были свободолюбивыми, благородными и добродетельными. Неоспоримым фактом является то, что литературные достоинства текстов, созданных Макферсоном, чрезвычайно высоки.

«Фингал» обеспечил ему европейскую славу одного из самых ярких представителей предромантизма. Однако его сочинение было талантливой литературной мистификацией. Макферсон дискредитировал себя в глазах ученого мира, но его сочинения стали зарей «кельтского возрождения». Повсеместно в Ирландии, Уэльсе, Шотландии началось разыскание и транскрибирование кельтских текстов.

Четвертая глава «Конструирование образа национального прошлого на завершающем этапе эпохи Просвещения: политизация истории и забвение историзма» сосредоточена на изучении историописания на третьем, завершающем этапе эпохи Просвещения.

В первом параграфе **«Неоримский “профиль” шотландского историописания: социальный и интеллектуальный контекст»** дан анализ специфических черт шотландского Просвещения. Показано, что идейным отцом шотландского Просвещения стал Э. Флетчер из Восточного Лотиана, ученик Г. Барнета, который одним из первых осознал и поставил дилемму Шотландии в династическом англо-шотландском союзе – формально равный статус при неспособности шотландцев соответствовать ему. Другим отцом-основателем шотландского Просвещения стал Ф. Хатчесон, один из ярких представителей моральной философии.

Социальный контекст формирования идейного наследия шотландских просветителей, определялся успешной карьерой писателей в одной из трех областей, находившихся в центре шотландской общественной жизни: университет, церковь и право. Изучение публичной «роли», исполняемой шотландскими литераторами, показывает их стремление подчеркнуть свою обособленность в обществе. Исключенные из парламентской жизни и проживающие на расстоянии от столицы, шотландские литераторы могли участвовать в общественных дискуссиях без непосредственного участия в деятельности политических партий или выработке государственной политики. В то же время удаленность от центрального правительства позволяла литераторам вести открытые дебаты в Шотландии. Обособленность шотландских литераторов, пожалуй, наиболее заметна в их стратегии достижения

достойного материального положения. Ни один из ведущих представителей шотландского Просвещения никогда не занимал какого-либо поста в государственных ведомствах, созданных для реализации конкретных проектов.

Главными вопросами в дискуссиях шотландских просветителей были три связанных между собой направления исследовательской мысли: моральная философия, история и политическая экономия. В моральной философии они стремились дать убедительный ответ нарождавшемуся обществу наживы и чистогана. Исторические исследования развивались в двух направлениях практически независимо друг от друга. Первое – так называемая «естественная» история, представителями которой были А. Смит, А. Фергюсон, У. Робертсон и Дж. Миллар. В их интерпретации она трансформировалась в теорию стадийного развития общества. При этом шотландские мыслители отнюдь не были материалистами в рассмотрении причинно-следственных связей в историческом развитии, в их сознании развитие связывалось с ролью Провидения в человеческой истории. Второе направление исторических исследований было связано с традиционным повествованием в духе Тацита. Здесь в стремлении написать современную, основанную на скептическом отношении к предшествующей традиции, историю Англии, Юм стал пионером. Оба эти направления в историописании шотландского Просвещения – универсальная история стадийного развития и политический нарратив в духе Фукидида-Тацита – отмечены неприятием антикварной традиции и пренебрежением к собственному шотландскому прошлому. Третья тема – политическая экономия – в исследованиях шотландских просветителей имела высокую степень оригинальности и получила общеевропейское признание.

Второй параграф «Концепция истории Дэвида Юма и его сочинение “История Англии”» посвящен изучению творческого наследия Д. Юма как историка. Хорошо известно, что Юм стал историком, так сказать, поневоле. Его «История Англии» стала лабораторией рассмотрения опытов «человеческого разума» – «местом» адаптации и популяризации его философии. Представление Юма о месте и роли

истории в обществе эпохи Просвещения определялось новым читательским рынком. Он внес огромный вклад в расширение круга чтения для публики середины XVIII в. Юм рано разглядел центральную роль истории в современном ему обществе. Он долго вынашивал мысль написать историю и руководствовался убеждением, что почетное место историка на английском Парнасе пока вакантно. Примером для него были «Анналы» Тацита, у которого он перенял манеру описания различных типов людей в переломные моменты истории. Жанр продуманного короткого рассказа Юм заимствовал у своих любимых античных авторов. Однако «История» Юма, в том виде как она, в конце концов, была написана, мало внимания уделяет интригам двора и воинской доблести. Он рассматривает события, прежде всего, с точки зрения умного стороннего наблюдателя, но не участника, и предлагает своим читателям занять такую же позицию. Его читательская аудитория: не политики, не антиквары, а те, кто хотел участвовать в обсуждении проблем текущей жизни. Это придавало историческому тексту новую роль: актуальный пересказ уже некогда рассказанной истории.

Юм демонстрировал новое отношение к анализу исторических источников. К этому времени уже существовала достаточно хорошо известная литература по тем аспектам методологии истории, которые так интересовали Юма. Основополагающим текстом этого круга было сочинение двух богословов-янсенистов А. Арно и П. Николя «Логика, или Искусство мыслить» 1662 г. В своем сочинении Арно сформулировал правила, которыми историку нужно руководствоваться на практике при оценке свидетельств. Новая (в основном французская) литература в отношении критики исторических источников поставила ряд ключевых вопросов, которые в свою очередь стремился решить Д. Юм. «Внешняя» и «внутренняя» логика доверия к историческим источникам должны быть сбалансированы. К примеру, в отношении «чуждес» первых веков христианства следует помнить, что христианские писатели были заинтересованными свидетелями и их свидетельства нельзя принимать за чистую монету. По

мысли Юма, «внутренняя» логика доказательности всегда преобладает над «внешней».

Понимание Юмом работы историка вытекало из его представления о развитии человеческой истории. Д. Юм обратился к написанию истории, намереваясь достичь литературной славы, о чем он говорит в своей автобиографии. Хотя едва ли это был его главный мотив. Многочисленные эссе Юма уже принесли ему известность. Сильным его желанием было исследовать посредством исторического нарратива философские, политические и моральные вопросы, которые лежали в основе его предыдущих морально-этических и философских изысканий. Его представление о теории исторического процесса формировалось трудами Дж. Гаррингтона, Ш.-Л. Монтескье и Ж. Тюрго. Что же до содержания «Истории» Д. Юма, он не оригинален в подаче британской истории до XVII в. Заслуга его заключается в создании светского нарратива и опускании антикварных «занудностей». В результате Юму удалось добиться признания в широких слоях британского общества и, прежде всего, среднего класса, определявшего конъюнктуру политического и культурного развития Великобритании в XVIII в.

В третьем параграфе «Политическая поляризация британского национального историописания: Кэтрин Маколей против Дэвида Юма» показано влияние на историописание острейших политических дискуссий в Британии в 1760-е – 1780-е гг. Первые десять лет правления Георга III в центре внимания находился вопрос о прерогативах короля и парламента, а также так называемое «дело Уилкса». Понятие «свобод и вольностей» подданных данного королевства диверсифицировалось на ряд конфликтующих интерпретаций, которые сами по себе зывали к разным «сценариям» национального прошлого. Наряду с двумя уже сложившимися политизированными концепциями – вигской и торийской – национальной истории формируется третья – левая. «История Англии» К. Маколей является тому ярким примером. К моменту выхода первого тома К. Маколей в 1764 г., «История» Д. Юма уже была полностью опубликована и на фоне общественного возбуждения казалась весьма консервативной и

написанной в проторийском духе. К. Маколей обратилась к истории как истинно верующий человек. Это проявилось и в ее религиозном чувстве, и в уверенности, что «дело борьбы за свободу» одержит победу. Праведный Бог, как полагала она, задумал мир с одной конечной целью – совершенствование человека с помощью разума. Она взяла перо в руки, чтобы защищать «дело свободы» против тех, кто, из небрежения, партийных пристрастий или самоуверенных амбиций, фальсифицировал прошлое и оскорбил память «славных» противников тирании Стюартов. Она была намерена предоставить «неопровержимые аргументы, основанные на фактах». Цель работы Маколей – переписать «Историю» Юма и создать «правдивый рассказ» о «великой смуте». Несмотря на различие идейных позиций, в судьбе историков много общего. Оба писали для широкой аудитории. Определенное сходство просматривается и в востребованности их трудов читающей публикой. «История Англии» Юма после плохих продаж первого тома имела успех в последующие десять лет. «История Англии» К. Маколей продавалась очень хорошо с самого начала. Книготорговцы боролись за право опубликовать очередной том.

Как Юму, так и Маколей пришлось пережить испытание «медными трубами» в век, когда рынок продаж и литературная критика начали стирать историческую роль патрона-покровителя. Маколей испытала самые крайние степени выражения как восхвалений, так и поношений. Поводом оскорблений в ее адрес в первую очередь служили ее радикальные политические взгляды, но, кроме того, обстоятельство ее второго замужества (супруг был младше ее на двадцать семь лет). В отношении Юма гнев публики был направлен, прежде всего, против предполагаемого безбожия его философских трудов. Неприязненная критика растянулась на десятилетия, до самого конца его жизни.

Если говорить об двух этих авторах как историках, то подход Юма к истории был отмечен скептицизмом. События прошлого, известные, по крайней мере, с большей или меньшей определенностью, необходимы, по Юму, как доказательства политических и моральных принципов. Также его под-

ход характеризуется убеждением, что история дает возможность развития критического мышления. Маколей ссылается на рукописи и трактаты из Британского музея, о которых Юм, работавший в основном в библиотеке Эдинбургского университета, вообще вряд ли знал. Маколей не разделяет беспокойства Юма по вопросу толкования фактов, она стремится быть «беспристрастной» и «бескорыстной», не поддаваться партийному духу в интерпретации событий и персонажей. В то же время манера письма Юма отличалась великолепным стилем. История, написанная в форме коротких рассказов в подражание любимому им Тациту с меткими наблюдениями и целостностью образов, завоевала себе популярность ясностью и увлекательностью изложения.

Целью Юма было заставить рядового читателя самостоятельно размышлять над историей своего отечества, патриотом которого он, несомненно, являлся. Как философ, объясняющий поступки людей их симпатиями и страстями, Юм стремился показать важность воспитания гражданской историей всякого человека и опасность забвения «смут» прошлого. «История» К. Маколей, охватывающая период правления Стюартов, имела ярко выраженный политизированный характер. Ее автор страстно и открыто выступала в защиту дела свободы. В результате двадцати лет упорного труда К. Маколей значительно продвинулась в профессиональном мастерстве историка, но одновременно разочаровалась в публике, и осознала невыполнимость поставленной ранее амбициозной цели. Как она честолюбиво полагала, еще не скоро публика в Британии созреет до высоких республиканских идеалов. Она проиграла эту борьбу Юму за читательскую аудиторию как в краткосрочной, так и – долгосрочной перспективе.

В **Заключении** обобщены результаты проведенного исследования конструирования концепции национальной истории Британии в эпоху Просвещения. Историческое сознание эпохи Просвещения определялось идеями «прогресса», «свободы» и «верой в человеческий разум». Историософия Просвещения стала своеобразным интеллектуальным «проектом» Европы по преобразованию человеческого общества. Особенностью этой историософии стали ее футурологическая

перспектива и рационалистический подход. Как показало наше исследование, в общеевропейском интеллектуальном движении британское Просвещение имело ярко выраженные специфические черты. Его отличал общий скептицизм в отношении человеческой природы. Англичане вообще были склонны думать о том, что эгоистическую сущность человека невозможно изменить и уповали на развитие его общественных качеств – культуру вежливости и уважительности друг к другу (*англ.* politeness). Такие британские мыслители как Ф. Хатчесон, Д. Юм, А. Смит стремились реализовать эту идею в разработке основ моральной философии, и будущность британского общества связывали с увеличением «богатства народов» посредством развития торговли и денежного дела.

Научная революция XVI–XVII вв. как интеллектуальная предпосылка «сдвига в историзме» XVIII в., имела свои принципиальные особенности в Британии. Индуктивный метод Ф. Бэкона, основанный на восхождении от «простого к сложному», противостоял жестко рационалистической концепции Р. Декарта, и сформировал эмпиризм в качестве характерной черты национального историописания. Ее отличали опора на конкретные памятники и неприятие отвлеченных метафизических построений в исторических исследованиях. В творческом наследии английских антикваров XVIII в. ярче всего представлена эта черта исследовательской культуры нового времени – знание, добытое опытным путем. Их девизом стало следующее изречение: «мы говорим, исходя из фактов, а не из теории». Именно это качество Бэкон фиксирует в «Новом Органоне»: «Эмпирики, подобно муравью, только собирают и довольствуются собранным...». Еще есть «рационалисты-пауки». А есть «пчелы», что извлекают «материал из садовых и полевых цветов», но располагают и изменяют его «по своему умению». Развитие британской традиции историописания в эпоху Просвещения оказалось отмечено схваткой «муравья» с «пчелой».

Две традиции исторического письма бытовали в Британии в эпоху Просвещения – «неоримский» высокий политико-риторический нарратив и антикварное описательное письмо. Решающей фазой в их противоборстве стал спор

«древних» и «новых» на рубеже XVII–XVIII вв., который обозначил два полярных взгляда на то, что такое история, каково ее предназначение и как писать историческое сочинение. Отчасти на первом, а в значительной степени на втором этапе британского Просвещения с 1714-го по 1750-е гг. антикварная традиция историописания столкнулась с политической конъюнктурой формирования конституционного государства в Британии. На практике это обернулось победой концепции «древней конституции» Британии Э. Кока. Сама по себе она являлась «желаемым конструктом» в ситуации формирования британской нации, но не соответствовала выявленным в рамках антикварной традиции историческим источникам и их содержанию. «Древние» победили, наступили «эпоха императора Августа» в британской литературе.

Для Британии эпоха Просвещения стала временем складывания британской нации, что было прямо связано с конструированием образа национального прошлого. Наше исследование показало, что в ситуации Унии 1707 г. шотландцы в первую очередь оказались заинтересованы в формировании общebritанского исторического нарратива. Он, по существу, свелся к истории английского королевства и обернулся для шотландцев забвением собственной двухтысячелетней истории. Обращает на себя внимание факт раскола между Хайлендом и Лоулендом, и тяготения последнего к интеллектуальному компромиссу с английскими писателями этой эпохи. За пределами очерченного таким образом британского мира оказывались практически все говорившие на кельтских языках этнокультурные общности. Вызовом сложившейся ситуации стала литературная мистификация Дж. Макферсона – поэма «Фингал» 1762 г. Таким образом, в сконструированной в XVIII в. концепции национальной истории Британии была только английская история, другие народы Британских островов занимали в ней подчиненное, маргинальное положение.

Парадоксальным образом пальму первенства в британском историописании захватили шотландские авторы. Можно говорить о двух самостоятельных историографических тенденциях в интеллектуальном поле самого шотланд-

ского Просвещения. Первая – маргинальная – развивала идею двухтысячелетней истории Шотландского королевства, опиралась на гаэльский язык, кельтскую мифологию и «чистое» доримское христианство. Ее забвение обернется нарастающим кризисом шотландской национальной идентичности в эпоху романтизма на рубеже XVIII–XIX вв. Другая тенденция – доминировавшая – задавалась юнионистской англо-шотландской идеей Дж. Бьюкенена, «гаэльской дилеммой» и историческом «казусом» наследования шотландской династией английской короны в 1603 г. Эта историографическая тенденция была отмечена мощным влиянием французского Просвещения. Шотландские просветители противостояли «вызовам» XVIII в. с «неоримских» позиций. Именно шотландский историописатель Д. Юм стал автором первой популярной и общедоступной «Истории Англии».

Секрет небывалого успеха «Истории Англии» Д. Юма, который не был оригинальным историком, заключался в новом качестве британского общества – «публичной сфере». Он рано осознал, что место историка на британском Олимпе свободно. Юм, имея в своем распоряжении уже существующие работы антикваров, придал им форму блестящего литературного нарратива. Его сочинение – это рассказ, провоцирующий читателя к размышлению. Его «История» стала концентрированным выражением сложившейся к середине XVIII в. мифологизированной концепции национальной истории. Составляющими элементами этой концепции стали: величие древних кельтов; идея древней конституции Британии времен короля Альфреда; концепция нормандского ига; идея исключительной англиканской церкви. Последний этап английской истории, «великая смута», следовало бы исходя из данной логики мифотворчества подчинить идее восстановления «попранной» древней конституции, но Юм не мог с этим согласиться. «Здравый смысл» подсказывал ему иное видение событий. Эту задачу с блеском выполнит историописатель следующего поколения Томас Б. Маколей.

Историописание эпохи Просвещения на Британских островах в своем развитии прошло три этапа: 1. 1660-е – 1714-й гг. – «антикварный»; 2. 1714-й – 1750-е – «неорим-

ский»; 3. 1760-е – рубеж 1780/1790-х гг. – период кризиса раннего историзма в британской национальной традиции историописания. На первом «антикварном» этапе сложился критический подход в изучении исторических источников, что определило расцвет историописания в Британии на рубеже XVII–XVIII вв. На втором «неоримском» этапе, в так называемую Августинскую эпоху первых Ганноверов и Англо-шотландской унии, новые «элементы» национально-государственной идентичности нашли свою опору в античности. На этом этапе шотландская историографическая традиция с ее приверженностью французским «образцам» исторического письма эпохи Просвещения заняла господствующие позиции в британском историописании. Отличительными ее чертами стали умозрительный подход в интерпретации прошлого и стремление создать так называемую «универсальную историю». На третьем этапе со всей очевидностью обнаружился кризис синкретизма в интерпретационных практиках, что нашло свое выражение в наметившейся тенденции размежевания литературы и истории, политической поляризации в британском историописании и кризисе раннего историзма и одновременно расцвете мифотворчества о национальном прошлом в британской национальной традиции историописания в эпоху Просвещения.

Первый антикварный период в развитии историописания в британском Просвещении завершился закатом «великой эры», когда на основаниях критического метода антиквары занимались отысканием, переводом и публикацией исторических текстов с высокой степенью результативности. Победа вигского государства и сопутствующая ей общая десакрализация общественного сознания после 1714 г. ослабила связь британского общества с прошлым. Общественное сознание зрелого Просвещения априорно опиралось на представление о том, что современное общество базируется на древних законах и священном писании. XVIII в. был «веком разума». Для него было характерным представление о том, что надежной основой общественного развития являются рационалистические принципы, независимые от истории. Отсюда люди эпохи Просвещения не видели смысла изучать

прошлое, которое, по их мнению, было уже понято. Надо только транслировать уроки прошлого будущим поколениям. И в этом отношении – с точки зрения развития истории как науки – это откат назад, потеря занятых антикварами позиций. Лорд Болингброк в «Письмах о пользе и изучении истории» не может и помыслить о новых открытиях в области истории. Для него изучение истории – это повторение моральных и практических уроков управления государством. Дж. Покок называет это «новой концепцией единства истории», приметой чего стало фактически исчезновение конкретно-исторических исследований как таковых. Достижением XVIII в. было конструирование схем универсальной истории, так ярко выраженное в сочинениях представителей французской и шотландской историографии эпохи Просвещения. Построение схем всемирной истории и стало замещением в «век разума» связи «настоящего» с «прошлым». Мифологизированная же концепция национальной истории стала надежным фундаментом формирования общенациональной идентичности на Британских островах в XVIII – начале XIX в.

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Монография:

Британская империя: становление, эволюция, распад / под общ. ред. *В.В. Высоковой*. Екатеринбург, 2010. 194 С. (В соавт. с Е.Ю. Чемакиным, К.А. Макрушиной и др.) (10,0/8,0 п.л.).

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных ВАК РФ:

1. Интеллектуальная история: метод и перспективы // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2005. № 39. С. 292–296. (В соавт. с Т.В. Краевой). (0,3/0,2 п.л.).
2. Универсальная история в современной историографии // Диалог со временем. 2007. № 18. С. 170–190. (В соавт. с М.А. Сосновским). (1,0/0,5 п.л.).

3. Интеллектуальная культура исторической эпохи: II Всероссийская научная конференция // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2007. № 14. (53). С. 263–267. (0,3 п.л.).
4. Рецензия: Поршнева О.С. Междисциплинарные методы в исторических исследованиях. Учебное пособие. Екатеринбург, 2005. // Новая и новейшая история. 2007. № 1. С. 234–235. (В соавт. с В.А. Бабинцевым). (0,3/0,2 п.л.).
5. Память как исторический феномен // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2008. №. 16. (59). С. 317–322. (0,4 п.л.).
6. Национальные историографические практики: универсальное и уникальное // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2009. № 4. (66). С. 263–268. (0,4 п.л.).
7. Рецензия: Демидовский временник: исторический альманах. Книга II. 2-е изд. / Сост. и отв. ред. А.С. Черкасова, Н.Г. Павловский, Т.В. Крупина. Екатеринбург, 2008. 856 С. // Отечественные архивы. 2009. № 5. С. 114–118. (0,3 п.л.).
8. Методология истории: когнитивные основания (к вопросу о теории научного познания) / «Круглый стол» по книге О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» // Российская история. 2010. № 1. С. 149–151. (0,3 п.л.).
9. Историк, текст, эпоха. IV Международная конференция по интеллектуальной истории // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2012. № 3. (105). С. 305–308. (0,4 п.л.).
10. Рецензия: С.В. Кондратьев. Английская революция XVII века. М., 2010. // Новая и новейшая история. 2012. № 1. С. 245–246. (0,2 п.л.).
11. Шотландские просветители: круг идей // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 78–90. (1,0 п.л.).

12. Историографический и социальный контекст формирования исторической концепции Дэвида Юма // Диалог со временем. 2013. Вып. 45. С. 70–87. (1,0 п.л.).
13. История когнитивная / история интеллектуальная: различия и точки соприкосновения // Электронный научно-образовательный журнал История. 2013. Вып. 2 (18). С. 14. (1,0 п.л.).
14. Конференция научных центров по изучению европейской истории // Новая и новейшая история. 2014. № 3. С. 245–247. (В соавт. Н.Н. Барановым). (0,3/0,1 п.л.).
15. Спор древних и «новых» и становление историзма в британской историографии XVIII в. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2014. № 4 (133). С. 110–123. (1,0 п.л.).
16. «Светская» и «духовная» история в Британии в эпоху Просвещения: рационализация религии и секуляризация исторического письма // Диалог со временем. Вып. 48. 2014. С. 76–95. (1,0 п.л.).
17. Дэвид Юм как историк // Электронный научно-образовательный журнал История. 2014. Вып. 10 (33). (1,0 п.л.).

Статьи в сборниках научных трудов и материалах конференций:

1. Политика Великобритании в бассейне Тихого океана в начальный период Второй мировой войны // Европа в системе международных отношений: 1917–1945 гг. Свердловск, 1990. С. 143–149. (0,4 п.л.).
2. Стенограммы заседаний палаты общин британского парламента как исторический источник по истории Второй мировой войны // Возникновение Второй мировой войны и антифашистская война в Европе. Свердловск, 1990. С. 21–22. (0,2 п.л.).
3. Типология исторических источников // Реализм исторического мышления: Чтения, посвященные памяти А.Л. Станиславского. М., 1991. С. 58–60. (0,3 п.л.).

4. Видовая эволюция исторических источников в динамике общественного развития // Источниковедение XX столетия: Видовая эволюция исторических источников в динамике общественного развития. М., 1993. С. 42–44. (0,3 п.л.).
5. Законодательные акты западного конституционализма как предмет сравнительно-источниковедческого исследования // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М., 1996. С. 126–128. (0,3 п.л.).
6. Конституционность как исторический феномен европейской цивилизации // Запад и Восток: Цивилизационные парадигмы XVII–XX веков. Екатеринбург, 1997. С. 6–14. (0,5 п.л.).
7. Что такое компаративная история // Европа в контексте диалога Запада и Востока в Новое и Новейшее время. Екатеринбург, 1998. С. 42–44. (0,3 п.л.).
8. Французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г. и Всеобщая декларация прав человека 1948 г.: Опыт компаративного анализа // Формирование правовой культуры личности: К 50-летию Всеобщей декларации прав человека. Екатеринбург, 1999. С. 86–89. (0,3 п.л.).
9. Интеллектуальное пространство истории в XIX – начале XX века // Историческая наука на рубеже веков. Екатеринбург, 2000. С. 380–383. (0,4 п.л.).
10. Полемика Хейдена Уайта и Артура Марвика: К вопросу о постмодернистской методологии истории // *Imagines mundi*: Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX веков. Екатеринбург, 2001. Вып. 1. Альбионика. С. 54–66. (0,7 п.л.).
11. Макро-, микро- и метаисторический подходы в современном гуманитарном знании // *Imagines mundi*: Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX веков. Екатеринбург, 2003. Вып. 2. Альбионика. С. 79–88. (0,6 п.л.).
12. Преподавание Новой истории стран Запада и современное гуманитарное знание // Региональные модели исторического и

профессионального образования. Екатеринбург. 2004. С. 280–283. (0,3 п.л.).

13. Воронцовы и Крымская война 1853–1856 гг. // Россия-Крым-Балканы. Севастополь, 2004. С. 56–64. (0,6 п.л.).

14. *Высокова В.В.* Интеллектуальная история – территория историка // *Imagines Mundi*: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 3. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 1. Екатеринбург, 2004. С. 41–52. (0,7 п.л.).

15. Общ. ред. перевода и предисловие: Каплан Дж. Постмодернизм, постструктурализм, деконструкция: заметки для историков. // *Imagines Mundi*: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 3. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 1. Екатеринбург, 2004. С. 115–136. (1,0 п.л.).

16. Частное и публичное в англо-русских отношениях конца XVIII – начала XIX в. // Россия и Британия: связи и взаимные представления XIX–XX вв. / Отв. ред. А.Б. Давидсон. Вып. 5. 2005. С. 316–337. (в соавт. с А.Ю. Ануфриевой). (1,2/1,0 п.л.).

17. Король Великобритании Георг III в британской историографии // Запад, Восток и Россия: источник в микро- и макроисторической перспективе. Вопросы всеобщей истории. Вып. 8. Екатеринбург. 2006. С. 30–43. (В соавт. с О.Ю. Сенной). (0,7/0,6 п.л.).

18. Вавилонская башня интеллектуальной истории. // *Imagines Mundi*: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 4. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 2. Екатеринбург, 2006. С. 5–10. (В соавт. В.А. Бабинцевым). (0,4/0,2 п.л.).

19. Культурные практики: историческая память // Уральский исторический вестник. 2008. № 1 (18). С. 111–115. (0,4 п.л.).

20. Семиотика: практика исторического перевода (на примере смеховой культуры) // *Imagines Mundi*: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 5. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 3. Екатеринбург, 2008. С. 196–202. (0,5 п.л.).

21. United Kingdom of Great Britain and Ireland: к вопросу об особенностях национального историописания (на примере антикваров XVI–XVII вв.) // *Imagines Mundi*: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 6. Сер. Альбионика. Вып. 3. Екатеринбург, 2008. С. 45–57. (0,7 п.л.).
22. Еще раз к вопросу о XVI-ой – XVII-ой главах сочинения Э. Гиббона «История упадка и гибели Римской империи» // *Религия в жизни человека и общества*. Севастополь, 2008. С. 23–25. (0,3 п.л.).
23. Отечественное источниковедение: О.М. Медушевская / Россия и мир: панорама исторического развития. Екатеринбург, 2008. С. 410–420. (0,5 п.л.).
24. «Чтобы свеча не угахла...»: санкт-петербургская школа источниковедения // *Вспомогательные исторические дисциплины – Источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания*. М., 2008. С. 230–249. (1,0 п.л.).
25. Британская историография XX в.: Хью Тревор-Ропер (1912–2003) // *Европа. Международный альманах*. Вып. IX. Тюмень, 2010. С. 91–99. (0,5 п.л.).
26. Британский историк Эдвард Гиббон и его научное наследие: к вопросу об источниковедении историографии // *Историография источниковедения и вспомогательные исторические дисциплины*. М., 2010. С. 174–177. (0,3 п.л.).
27. Британский историк Эдвард Гиббон, «История упадка и гибели Римской империи» и британские историки XX в. // *Imagines Mundi*: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 7. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 4. Екатеринбург, 2010. С. 216–224. (0,5 п.л.).
28. Имперский дискурс сочинения Эд. Гиббона «История упадка и гибели Римской империи» // *Проблема континуитета в Византийской и поствизантийской истории*. Екатеринбург. 18-20 ноября 2010 г. Екатеринбург, 2010. С. 26–28. (0,3 п.л.).

29. Рецензия: Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории // *Imagines Mundi*: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 7. Сер. Интеллектуальная история. Вып. 4. Екатеринбург, 2010. С. 399–404. (0,3 п.л.).
30. «Чтобы свеча не угасла...»: о преемственности в исторической науке // *Когнитивная история. Концепция–методы–исследовательские практики*. М., 2011. С. 128–151. (1,0 п.л.).
31. Историзм Эдварда Гиббона // *История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – начала XX века*. М., 2011. С. 9–11. (0,2 п.л.).
32. Историзм Эдварда Гиббона: предтечи и влияния // *История и историки в пространстве национальной и мировой культуры*. Челябинск, 2011. С. 215–221. (0,5 п.л.).
33. История когнитивная/история интеллектуальная: различия и точки соприкосновения / *Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв.* М., 2012. С. 167–177. (1,0 п.л.).
34. Британские интеллектуалы XVIII в. Сэмюэл Джонсон / *Британия: история, культура, образование*. Ярославль, 2012. С. 64–66. (0,3 п.л.).
35. Историография новой и новейшей истории: заметки на полях / *Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева*. В 2-х т. М., 2013. Т. 1. С. 171–176. (0,4 п.л.).
36. Эпоха Просвещения и рождение историзма: Кэтрин Маколей против Дэвида Юма // *Адам и Ева. Альманах гендерной истории*. 2013. № 21. С. 274–292. (1,0 п.л.).